(Казань,)

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ, 1892, 1 января, № 1.

Литературный обзоръ.

Только что окончившійся годъ, какъ и слѣдовало ожидать не имѣлъ особенно выдающихся и богатыхъ въ литературномъ отношеніи, исходя въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, на своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сошло со сцены большинство главныхъ литературныхъ дѣятелей прошлаго времени, а въ средѣ новыхъ смерть также произвела невозвратимые пробѣлы, золотой вѣкъ нашей литературы, видимо, окончился. Однако, было бы преждевременно и легкомысленно говорить по этому поводу объ его окончательномъ уходѣ и скорбѣть о печальной будущности, будто бы ожидающей нашу литературу. Такая плеяда геніевъ и крупныхъ талантовъ, какъ те, которыя подарила насъ безсмертными произведеніями и дала нашей литературѣ всемірную славу, не можетъ быть частымъ явленіемъ. Такой плеяды мы, вѣроятно, дождемся не скоро, если только дождемся когда-нибудь, по отсутствію первоклассныхъ геніевъ еще не равносильно паденію литературы, и она и безъ нихъ можетъ имѣть большое значеніе и вліяніе, и безъ нихъ въ ней можетъ найтись многое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе и чѣмъ можно гордиться. Въ этомъ отношеніи мы даже нѣсколько избалованы и требуемъ отъ каждой книжки журнала, чтобы она дарила насъ чуть-ли не новое „Никакуй“ или „Войну и Миръ“. Встрѣчая въ этихъ книжкахъ много балласта и мало удачныхъ вещей, причемъ и эти послѣднія равнѣчиваютъ насъ своей слабостью сравнительно съ произведеніями только что сошедшихъ со сцены геніевъ,—мы начинаемъ тотчасъ сѣтовать, что „ничего читать“ и что наша литература погибаетъ. При этомъ мы забываемъ, что нельзя судить о качествѣ литературы по всему тому, что печатается въ „толстыхъ журналахъ“, что въ журналахъ этихъ по необходимости всегда бываетъ масса балласта и что этотъ балластъ современемъ отпадетъ и забудется, а останутся жить и дадутъ цѣнность нашей эпохѣ литературы только очень немногія лучшія произведенія. По этому поводу совершенно вѣрно замѣтилъ Гаршинъ: „искусство живетъ не отдѣльными книжками журналовъ, а цѣлыми эпохами, и двухъ-трехъ крупныхъ вещей довольно, чтобы ярко освѣтить пятьдесятъ лѣтъ его жизни“. Мы забываемъ, что и въ недавно минувшій „золотой вѣкъ“ нашей литературы печатались не одни только вещи, которыя мы перечитываемъ и которыми мы восхищаемся теперь, а и многое множество произведеній, на-вѣки погребенныхъ въ старыхъ журналахъ.

Толчекъ, данный нашей литературѣ „гамлетовъ“, такъ силенъ, что движеніе, сообщенное имъ никогда не можетъ прекратиться, и наша литература надо надѣяться, никогда не сойдетъ съ того пути, на которомъ она пріобрѣла свои лучшіе лавры,—съ пути реализма и глубокой идейности. Въ этомъ отношеніи мы и теперь имѣемъ право съ гордостью глядѣть на современныя европейскія литературы—быть можетъ наша и найдутся литературы болѣе богатыя въ данный моментъ художественными талантами, чѣмъ наша, хотя и это сомнительно, но зато, навѣрное, не найдется ни одной (за исключеніемъ разѣ норвежской съ Бьернсономъ и Ибсеномъ во главѣ), которая могла бы поспорить съ нашей по своей идейности и общественному значенію своихъ произведеній. На западѣ какой-нибудь Гюи де-Мопассанъ, какой-нибудь Зацеръ-Мазохъ могутъ считаться чуть-ли не первоклассными талантами, у насъ же они были бы по популярнѣе Немировича-Данченко. Уже со времени Гоголя и Бѣлинскаго необходимымъ условіемъ успѣха для русскаго художника сдѣлалась идейность его произведеній.

И прошлый, 1891, годъ также не былъ совершенно бѣденъ въ этомъ отношеніи—онъ также далъ намъ довольно много вещей, имѣющихъ большой общественный интересъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ выдѣляются и художественностью исполненія. Между ними на первое мѣсто мы должны поставить только что заканчивающуюся въ концѣ года новую повѣсть г. Антона Чехова «Дуэль». Мы не имѣемъ возможности говорить здѣсь подробно объ этомъ прекрасномъ произведеніи замѣчательно даровитаго писателя, которое является въ то же время самой крупной до сихъ поръ его вещью. Предполагая сдѣлать это послѣдствіи, мы отмѣтимъ, что наибольшій интересъ въ этой повѣсти возбуждаетъ типъ, представленный героемъ повѣсти—Лаевскимъ. Этотъ типъ является полнѣй продуктомъ нашего, «острого», какъ выражался Салтыковъ, времени, когда появилась масса людей безъ идеала, безъ опредѣленныхъ убѣжденій и цѣли жизни, и въ то же время людей культурныхъ и неглупыхъ, и не могущихъ поэтому полнѣй ужиться съ духовной пустотой, которая безпрестанно даетъ имъ мучительно чувствовать себя. Къ тому же эти люди съ встроенными нервами и обезволенной волей, что опять таки является слѣдствіемъ ихъ идейной опустошенности и безпорядочнаго образа жизни. Они всю жизнь къ чему-то стремятся, хотятъ начать какое-то дѣло, какую-то новую жизнь, и нерѣдко увлекаютъ другихъ своими стремленіями, изъ которыхъ, однако, никогда ничего не выходитъ. Такіе типы рисовали Тургеневъ и Гончаровъ. Райскій котораго является одинъ не полнымъ выраженіемъ этого типа. Но Лаевскій отличается отъ Райскаго тѣмъ, что онъ въ гораздо большей степени тонется безцѣльностью своей жизни и самъ чувствуетъ себя человѣкомъ несчастнымъ, тогда какъ Райскій, при всѣхъ своихъ сердечныхъ неудачахъ въ сущности очень жизнерадостное существо и его вечныя стремленія къ иной жизни всегда переходятъ въ самолюбованіе своей скорбью.

Такъ Лаевскаго хорошо оттѣняетъ противоположный типъ зоологъ, фонъ-Корэнъ, человѣкъ съ твердо установленными принципами и сильной волей, человѣкъ отлично знающій свою жизненную цѣль и неуклонно идущій къ ней, но при всемъ своемъ умѣ питающій слишкомъ мало любви и довѣрія къ людямъ. Поэтому его жестокій приговоръ Лаевскому и оказывается несправедливымъ, хотя и нельзя не сознаться, что нравственный переворотъ, происходящій съ Лаевскимъ въ концѣ повѣсти и сдѣлавшій изъ него почти человѣка, является мало понятнымъ для читателя, такъ какъ обрисованъ только слегка. Что же касается до остальныхъ лицъ повѣсти, то нечего говорить, что всѣ они, начиная отъ гражданской жены Лаевскаго, такой же потерянной натуры, какъ онъ, и такой же духовно пустой петербургской барыни, или военнаго доктора, Самойленко, и кончая, подсыпающимъ на анкету, фигурами въ родѣ доктора, присутствующаго на дуэли, или секундантъ, Шоколовскаго,—совершенно лишніе люди. Словомъ, своей новой повѣстью г. Чеховъ еще разъ подтвердилъ справедливость сложившагося среди публики, высокаго мнѣнія о его талантѣ.

Что касается до другаго любимца нашей публики, г. Короленко, то самымъ выдающимся его произведеніемъ за прошлый годъ является „Тѣни“, которая только что нами была разобрана нами, почему мы и вынуждены оставить въ сторонѣ эту вещь, одинаково замѣчательную въ идейномъ и художественномъ отношеніи.

Переходя теперь къ дѣятельности третьяго нашего выдающагося беллетриста, г. Потапенко, мы должны отмѣтить, что она была, на сожалѣніе, даже слишкомъ обильна. Изъ всей массы напечатанныхъ г. Потапенко въ прошлый годъ наиболѣе удачными являются повѣсть «Генеральская дочь» (въ «Книжкѣ Недѣли») и разсказы «Крылатое слово» («Сѣв. В.») и «Шестеро» («Рус. М.»). Въ первой удачно нарисованъ типъ избалованной жизнью свѣтской барышни, неспособной къ серьезной работѣ, причемъ авторъ избѣжалъ обычнаго шаблона и съ его героиней не случилось никакого обыкновеннаго въ повѣстяхъ, не рѣдкаго въ жизни нравственнаго возрожденія. Въ «Крылатомъ словѣ» г. Потапенко въ очень удачной юмористической формѣ затронулъ весьма серьезный вопросъ о томъ жизненномъ стрѣ, который характеризуется формулой—«рука руку моетъ». Разсказъ „Шестеро“ отличается замѣчательной индивидуальностью тона и рисуетъ интересные типы духовенства. Недурна также повѣсть «Жестокое счастье» (въ „Кн. Нед.“), о которой мы также говорили вчера. Но большой романъ «Не герой» («Сѣв. В.») кажется какъ неудачнымъ. Больше всего портитъ его фигура «не героя», представителя здоровой и сильной натуры «деревни», Рачкова, и его поучительная побѣда надъ безпринципными, «лишними» или истрепанными жизнью представителями города. Лучшимъ лицомъ романа является петербургская «порядочная» барыня, Бакланова. Только ея пробужденіе свободно отъ тенденціозности, хотя и тутъ не обошлось подъ помощь безъ обращенія на путь истинный. Фигуры же петербургскихъ литераторовъ нарисованы съ какой цѣлью изъ поклоненія (за исключеніемъ лучшей изъ нихъ, беллетриста Бакланова), а фигура «необыкновенной женщины», Высоцкой, отзывается большой искусственностью.

Повѣсть «Добрые люди» („В. Кн.“) напрашивается какъ еще поспѣшно—ея авторъ страдаетъ и неизвѣстностью и торопливостью и со по этой причинамъ слѣдуетъ отнести къ произведеніямъ того многочисленнаго, которое овладѣло теперь г. Немировичъ. Той же причиной надо, вѣроятно, объяснить и появленіе такихъ разсказовъ, какъ «Остроумно» («Ист. В.»), представляющіе какую-то бѣдную копію разсказа «Шестеро», или «Самородокъ» (въ «Артистѣ»), въ которомъ авторъ прямо грубъ и весь разсказъ производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе.

Изъ остальныхъ замѣчательныхъ вещей прошлаго года на первый планъ выступаетъ, какъ по своему объему, такъ и по ширинѣ захвата русской жизни, а отчасти и по своимъ достоинствамъ, романъ г. Эртеля—„Гарденинъ“. Объ этомъ романѣ въ нашей газетѣ было не разъ подробно говорено, поэтому мы скажемъ здѣсь лишь, что, какъ всѣ его достоинства, такъ и еще болѣе—всѣ его недостатки, обусловливаются главнымъ образомъ его широкимъ размахомъ. Авторъ хотѣлъ вмѣстить въ свой романъ чуть-ли не всю современную русскую жизнь, но эта задача оказалась не по силамъ ему, не только со стороны вѣрности и силы рисунка, но и съ чисто внѣшней стороны—силы стѣнныхъ экземпловъ и частей. Въ первомъ отношеніи у г. Эртеля, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ сильныхъ и полныхъ жизни страницъ (напр., изображенія старухи, „)рожденной вязаны Тобяковой“ и ея смерти или сцена Горонскаго) встрѣчаются бѣдными и прямо придуманныя страницы (напр., заводъ Мансурова съ Лейвенсономъ). У г. Эртеля, очевидно, не хватаетъ достаточнаго знанія русской жизни и достаточной силы таланта для его задачи. Въ отношеніи же внѣшняго развитія его романъ страдаетъ разорванностью, онъ какъ бы распадается на отдѣльныя части, почти не связанныя между собой, въ немъ нѣтъ того органическаго единства, благодаря которому въ „Войнѣ и Мирѣ“ или „Анной Карениной“ читателя не покидаетъ на многослѣдность сюжета, но числа дѣйствующихъ лицъ, тогда какъ въ «Сѣмьѣ» бесчисленное множество безпрестанно сбѣгающихся фигуръ положительно удручаетъ читателя и романъ начинаетъ производить впечатлѣніе калейдоскопа. Автору не удалось даже закончить его болѣе или менѣе естественно. Онъ оборвалъ его почти произвольно, заставивъ главнаго героя умереть отъ совершенно случайнаго несчастнаго случая. За всѣмъ тѣмъ, въ романѣ есть много хорошо написанныхъ сценъ и живыхъ лицъ и самая разнесторонность его придаетъ ему большой интересъ. Впрочемъ, какъ уже и было замѣчено у насъ, названіе романа остается довольно произвольнымъ, такъ какъ изображенныя въ немъ «сѣмьи» отчасти очень сомнительны и, во всякомъ случаѣ, не полны, а отчасти не представляютъ специальной осо-

бенности послѣдняго времени.

Далѣе обратилъ на себя вниманіе публики большой романъ г-жи Маріи Крестовской «Артистка» («В. Ев.»), написанный на тему несовмѣстимости личной любви со служеніемъ обществу, въ данномъ случаѣ на сценическомъ поприщѣ. Нельзя сказать, чтобы это послѣднее обстоятельство являлось особенно удачно выбраннымъ для выясненія вопроса, такъ какъ, благодаря ему, становится труднымъ разобрать, что руководитъ героиней романа, Леонтьевой, въ ея борьбѣ съ любовью къ Чеславу—желаніе служить обществу посредствомъ своего таланта, или просто артистическое честолюбіе. Впрочемъ, это постоянное предоставлять спорно послѣднее. Въ подъ конецъ артистка и побѣждаетъ женщину. Въ романѣ попрѣтно проглядываетъ полное отсутствіе того, что выходитъ изъ узкихъ предѣловъ любовно-артистической психологіи. Какъ сама Леонтьева, такъ и ея герой, Чеславъ, являются передъ нами людьми, поглощенными исключительно своими личными отношеніями и ушедшими въ свой личный міръ. Въ этомъ отношеніи романъ г-жи М. Крестовской является иноліи «дворянинъ».

Изъ остальной беллетристики прошлаго года отмѣтимъ замѣчательно очень недурно четыре «малые» г. Лугового, подъ заглавіемъ «Dollice vetro» («Отеч. З.»), рисующія бой гладіаторовъ, бой быковъ, фіаско оперного пѣвца и трагическій конецъ профессора-хирурга. Изъ нихъ особенно ярко и оригинально написано четвертое.

Въ началѣ года заставила о себѣ говорить, особенно среди столичной публики, повѣсть г. В. М. «Мышечка на водахъ» («В. Ев.»), очень живо рисующая типъ столичной, скучающей отъ бездѣлья и истѣшающейся отъ своей скуки на Кавказѣ, петербургской барышни, нравственный обликъ которой рисуется уже однимъ ея поступкомъ.

Далѣе обратилъ на себя вниманіе романъ г. Станиовича «Первые шаги», рисующій пріѣздъ провинціальнаго юноши въ Петербургъ и его постепенное знакомство со столичной жизнью.

Наша драматическая литература не подарила насъ въ прошломъ году ни однимъ особенно замѣтнымъ произведеніемъ. Нѣкоторое вниманіе возбудила было въ публикѣ, благодаря имени своего автора, комедія г. Григоровича «Зимка» («Русс. В.»), напоминавшая послѣ въ «Заколдованномъ лѣсѣ», но оказалось, что талантливый беллетристъ явился довольно неудачнымъ драматургомъ.

Наша поэзія и въ 1891 г. продѣлала больше количественно, чѣмъ качественно—новыхъ талантовъ по крайней мѣрѣ не объявилось. Изъ признанныхъ уже, «старыхъ» поэтовъ дарили насъ порядка прекрасными произведеніями. Изъ поэтовъ «средняго возраста» графъ Голенищевъ-Кутузовъ напечаталъ въ «Русс. В.» сборникъ своихъ стихотвореній за 1880—1890 года (30 стих.), въ которыхъ многіе превосходны. А. Н. Апухтинъ выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своихъ прекрасныхъ произведеній. Изъ «молодыхъ» г. Мережковскій напечаталъ, смѣлъ прекраснаго перевода «Скованнаго Прометея», Эсхила, двѣ поэмы—„Смерть" и «Семья». Первая неудачна, какъ по своему содержанію поэмы Пушкина, такъ и по своему нѣсколько туманному и плохо потемнѣвшему содержанію. Вторая же, напротивъ, производитъ очень хорошее впечатлѣніе, какъ прекраснымъ стихомъ, такъ и оригинальностью своего содержанія, представляющаго какъ бы рядъ портретовъ одной семьи.

Въ критикѣ обращали на себя вниманіе статьи г. Михайловскаго (особенно его весьма интересныя воспоминанія), г. Протопопова («Женское творчество», «Послѣдовательный пирронизмъ», „Большой талантъ" и др.), г. Скабичевскаго (исторія русской литературы и др.) и г. Вад. Сергѣева („Идеалы и идолы" и др.). Въ началѣ года особенный интересъ возбуждали къ себѣ «Очерки русской жизни» покойнаго Н. В. Шелгунова.

Изъ отдѣльныхъ изданій наибольшимъ успѣхомъ пользовался, конечно, XIII томъ сочиненій Л. Толстого, быстро достигшій третьяго изданія и возбудившій массу споровъ и разговоровъ, какъ въ публикѣ, такъ и въ литературѣ, не смотря на то, что содержаніе состоитъ изъ статей, уже бывшихъ ранѣе общеизвѣстными.

Юбилеевъ умершихъ писателей въ прошломъ году было два—пятидесятилѣтіе кончины Лермонтова (15 іюля) и столѣтіе рожденія С. Аксакова (20 сентября). Какъ тотъ, такъ и другой юбилей прошли не особенно торжественно, хотя и вызвали много посвященныхъ имъ статей, особенно первый. Статьи, посвященныя Лермонтову, явились очень разнорѣчивыми и порѣдко дѣло толковыми. Лучшей изъ нихъ является имъ оторвъ г. Михайловскаго «Герой безвременья» („Русс. Вѣд."). Празднованіе Лермонтовскаго юбилея представляется особенно интересным по сравненію его съ празднованіемъ, аналогичнаго съ нимъ, пушкинскаго юбилея (въ 1887 г.) и особенно съ «пушкинскими днями» (въ 1880 г.). Эта разница объясняется, конечно, многими причинами, между которыми далеко не послѣдней является разница въ общественномъ настроеніи. Къ этому прибавить, что наша Казань въ празднованіи, какъ того, такъ и другого юбилея, оказалась чуть-ли не на послѣднемъ мѣстѣ.

Изъ юбилеевъ живыхъ литераторовъ въ прошломъ году праздновались: 25-лѣтній юбилей извѣстнаго адвоката и писателя, г. Спасовича, и 50 лѣтній—беллетриста, В. Р. Зотова.

Въ прошломъ году смерть похитила многихъ изъ литературныхъ работниковъ. Изъ этихъ потерь самая замѣтная, конечно, смерть И. А. Гончарова, и слишкомъ преждевременная—смерть Н. В. Шелгунова, этого талантливаго и неутомимаго публициста. Тяжела также потеря замѣчательно даровитой С. В. Ковалевской, бывшей профессоромъ математики въ стокгольмскомъ университетѣ и незадолго до своей смерти обратившей на себя вниманіе своими «Воспоминаніями дѣтства». Далѣе, въ прошломъ году скончались: Г. З. Елисѣевъ, бывшій одинъ изъ редакторовъ Некрасовскаго «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», дѣятельность котораго въ этихъ журналахъ была очень обширна и послуги которого велики; И. К. Андреевскій, извѣстный профессоръ полицейскаго права въ петербургскомъ университетѣ, бывшій въ послѣднее время редакторомъ новаго энциклопедическаго словаря; также извѣстный бывшій профессоръ философіи права и энциклопедіи права П. Г. Рѣдкинъ, курсъ котораго является отличнымъ руководствомъ по философіи вообще; С. Я. Капустинъ, знатокъ по крестьянскимъ вопросамъ; Э. К. Ватсонъ, журналистъ и переводчикъ; поэты П. А. Козловъ и Л. Н. Пальмина; журналистъ и историкъ М. О. Кояловичъ; журналисты А. А. Гатцукъ и А. А. Жемчужниковъ (бывшій редакторъ «Сѣвера»); беллетристъ Н. С. Кохъ и изъ провинціальныхъ литераторовъ редакторъ-издатель «Кронштадтскаго Вѣстника» Н. А. Рыбочкинъ, редакторъ издавъ «Нижегородскаго Ежемѣсячнаго Листка» Жуковъ и поэтъ Гуляевъ.

Изъ журналовъ въ прошломъ году не прекратилось ни одного, сколько-нибудь замѣтнаго. Возникло же новыхъ два—«Живая Старина», изданіе этнографическаго отдѣленія географическаго общества, выходящее раз въ годъ и редактируемое проф. В. Ламанскимъ, и иллюстрированный журналъ „Художникъ", выпускающій двѣ тетради въ мѣсяцъ и редактируемый г. Ламбиномъ. Изъ этихъ двухъ первое носитъ спеціальный характеръ, будучи посвящено этнографическимъ и историческимъ вопросамъ, хотя и представляется для «большой» публики. Второе же является настоящимъ плодомъ нашей современной идейной распущенности и лучше всего характеризуется фальшивостью одной газеты, которой, жаль, впрочемъ, сказать компаньонъ «Художника», замѣтилъ, что отъ сего пахнетъ „плагіатомъ-плагіатомъ".

Въ заключеніе нѣтъ остается пожелать, чтобы наступающій годъ не только не уступилъ бы, но и превосходилъ бы нынѣшній своимъ литературнымъ богатствомъ, и чтобы, чтобы онъ порадовалъ какъ поклонниковъ нашихъ талантовъ,—словомъ, пожелать нашей литературѣ въ нынѣшнемъ году полнаго счастья.

5/4